

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА
(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

Н. М. Гиренко

**КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
В АГРАРНЫХ РАЙОНАХ ТАНЗАНИИ**

Объединенная Республика Танзания занимает территорию с достаточно разнообразным ландшафтом и весьма различными климатическими условиями. Традиционные типы хозяйства, формы общественного устройства, а также темпы развития этой восточноафриканской страны имеют свою специфику, обусловленную как экологией, так и особенностью исторических судеб.

Известно, что общественное развитие тесно сопряжено с действием культурного фактора и само часто воспринимается как развитие культуры в широком ее понимании. В связи с этим становится крайне актуальным определение того, что понимать под культурным фактором, так как без этого сложно выявить, в чем заключается его воздействие на общественный процесс в целом. Проблема культуры широко обсуждается в этнографии [3, с. 61; 4, с. 68; 5, с. 78—96]. Это нашло достаточное отражение в многочисленных статьях в журнале «Советская этнография», дискуссиях на международных и отечественных симпозиумах, в отдельных монографиях, посвященных теории культуры (см. [1, с. 70—91; 2, с. 118—145]). Проблема влияния культуры на общественные процессы самого различного вида остается тем не менее одной из наиболее актуальных.

Культурная специфика общественных процессов, в том числе и культурная специфика революционных преобразований в аграрных районах Танзании, которых мы здесь частично коснемся, заслуживает самого пристального внимания. Вне осознания этой специфики легко отождествить основное с второстепенным, общее с особенным, а подчас и причину со следствием. Это чрезвычайно широкая тема. Мы ограничимся здесь лишь краткими замечаниями, используя данные о ситуации в Танзании 70—80-х годов, чтобы еще раз обратить внимание на практическую и научную важность исследования культурного фактора как специфического явления общественной жизни.

В советской африканистике неоднократно отмечалось, что при анализе тенденций общественного развития современных африканских государств необходимо принимать во внимание результат предшествовавшего колониального периода, так как в это время складывались особые социально-экономические, идеологические и межэтнические отношения.

В колониальный период в единую политическую, экономическую и социальную систему оказывались вовлеченными соответствующие отношения самых различных стадийных фаз общественной эволюции, и, как отмечают исследователи, колониальный капитализм создал особую социально-экономическую структуру [8, с. 7]. Такие образования, которые не без основания именуется колониальными обществами [7, с. 3—11], не могли быть стабильными. Эпоха деколонизации, начавшаяся получением политической независимости бывшими колониями, наглядно это подтвердила. Внутренняя неустойчивость была обусловлена прежде всего отсутствием местной экономической мотивированности объединения народов в рамках политических границ, ставших границами современных независимых стран Африки. Объединения возникали не под влиянием местных экономических или политических тенденций, а в результате договоров, заключенных ведущими империалистическими державами далеко за пределами континента.

Отсутствие локальной экономической мотивированности возникновения колониальных обществ составляет содержательную их характеристику. Создание и укрепление внутренней экономической мотивированности путем развития экономической инфраструктуры, приобретение формационной определенности являются существенными моментами, определяющими специфику многих общественных процессов, протекающих в странах — наследниках колониальных обществ. Можно утверждать, что колониальные общества — искусственные образования, но это не значит, будто в них или в возникших на их основе молодых государствах не действуют закономерности общественного развития.

Современный процесс деколонизации и процесс приобретения формационной целостности бывшими колониальными обществами продолжает развиваться вглубь. В нем существенную роль играют политические, идеологические установки правящих групп, международная экономическая и политическая ситуация. В этой связи вопрос о действии объективных законов общественного развития в современную эпоху и в конкретной ситуации каждой отдельной страны приобретает практическую значимость для руководителей африканских стран, становится актуальным для исследователей самой разной политической ориентации. По сути дела, страны так называемого третьего мира находятся в активном поиске политических, экономических, идеологических установок, различных вариантов концепции общественного строительства. В этом поиске все чаще фигурируют социалистические идеи различного толка, все чаще используется и марксистская терминология.

Танзания с первых лет самостоятельного в политическом отношении существования определенно провозгласила ориентацию на построение в перспективе общества уджамаа — общества, которое не должно быть основано на угнетении человека

человеком и частной собственности на основные средства производства, где люди будут относиться друг к другу как члены единой идеальной семьи. Программа уджамаа и конкретные мероприятия в социально-экономической и духовной сферах жизни дают основания и африканским лидерам, и исследователям говорить об устойчивой стратегической установке Революционной партии и правительства Танзании на строительство социализма (именно термин «социализм» чаще всего переводится суахильское слово «уджамаа» на другие языки, и мы будем следовать этой традиции). В направлении строительства социализма в Танзании правительство предприняло ряд существенных практических преобразований. Однако, несмотря на достаточно устойчивую установку, в явной форме выраженную со времени провозглашения Арушской декларации в 1967 г., об определенной формационной целостности системы общественных отношений в Танзании в настоящее время говорить рано, какое бы содержание ни вкладывать в понятие «социализм».

Основной задачей Революционной партии в развитии социально-экономических отношений являлся перевод сельскохозяйственного производства на современный интенсивный уровень. Танзания, как и большинство государств Африки, — аграрная страна, возникшая в рамках колониального общества. Еще к концу XIX в. высшие фазы социально-экономического развития здесь были представлены редкими образованиями феодального типа, в то время как значительная часть населения жила, по существу, в системах отношений еще более ранней формационной принадлежности. Учитывая это, можно представить себе всю грандиозность задач, стоящих перед правительством Танзании сегодня, и важность мероприятий, уже осуществленных в соответствии с Арушской декларацией.

В этническом отношении население Танзании представлено большим количеством самых разнообразных по масштабу этнических групп, что является естественным отражением социальной мозаики прошлого, существовавшей на этой территории задолго до появления европейцев. Этническая дробность, как правило, сопровождается многообразием типов хозяйствования, социальных отношений на уровне непосредственных производителей, множеством различных традиционных видов деятельности и мировоззренческих установок. В таких условиях существенным аспектом общественного строительства является правительственная установка не только на политическую, но и на культурную интеграцию в рамках государственных границ.

В документах правительства Танзании редко используются обозначения типа «племя», «этнос», «культурная общность». Обычно речь идет о танзанийцах и танзанийской нации. Категория «нация» понимается преимущественно как обозначение жителей единого общества, государства. Стремление к снижению значимости расовых и культурных различий в системе общественных отношений Танзании четко просматривается во всех

документах правящей партии и правительства. В первых параграфах Арушской декларации было заявлено: «ТАНУ считает: а) что все люди равны как люди; б) что каждый человек достоин уважения; в) что каждый гражданин есть часть нации и имеет право участвовать в органах управления квартала, района и вплоть до высших органов правительства» (см. [9]). Провозглашение этих элементарных характеристик демократии на основе естественного равенства (все люди равны как люди) крайне существенно для государства, возникшего на основе колониального общества с присущей ему социальной дифференциацией, как правило отождествляемой с различием культур и рас. Отмеченные идеологические послышки были особенно актуальными для периода борьбы за политическую независимость, за полноправное участие африканцев в органах общественного управления.

Уже говорилось, что для Танзании вопросы культуры и ее роли в общественном процессе весьма актуальны, так как их решение приобрело практическое значение. Как подчеркивали представители танзанийской делегации на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, проходившем в 1981 г. в Амстердаме, народ Танзании нуждается не в абстрактном теоретизировании и пополняющих архивы культурологических описаниях отдельных этнографических групп, а в таких исследованиях, которые могли бы служить орудием в реорганизации общественной жизни в соответствии с провозглашенной правящей партией программой построения социализма.

К такого рода исследованиям, направленным на выяснение роли культуры в строительстве общества уджамаа в аграрных районах страны, следует отнести локальное, но комплексное исследование в рамках проекта, получившего название «Джипемойо: исследование развития и культуры», проводившееся в 1975—1979 гг. в провинции Западное Багамойо. В сборе материалов и их обобщении принимали участие танзанийские и финские специалисты. Работы были организованы министерством национальной культуры и молодежи Танзании, Академией наук Финляндии, Хельсинкским университетом и поддерживались рядом других организаций. Полученные систематизированные данные собраны в специальном архиве и еще послужат основой для дальнейшего анализа. Однако о них в общих чертах можно судить по публикациям материалов рабочих семинаров Института проблем развития при Хельсинкском университете (см. [11]).

Слово «культура» фигурирует в названии указанного проекта, в целом определяя направление изысканий. Однако в публикациях семинаров (1977—1986) обращает на себя внимание отсутствие четкого понимания этой категории. Лишь один из руководителей проекта, М.-Л. Сванц, констатировала, что культура — это плод длительного процесса развития, который фор-

мирует новое общество и одновременно формируется им [11, № 1, с. 13].

В публикации 1981 г. отмечается, что задачей последующего изучения культуры должно быть выявление того, как культура и ее проявления служат достижению политических целей нации и как исторические корни культуры воспроизводят идеологические и материальные отношения, тормозящие развитие и мешающие реализации социалистических целей [11, 4, с. 146]. Последнее вызывает необходимость культурной переориентации. Примечательно, что большая часть опубликованных материалов посвящена рассмотрению общеметодологических проблем обществоведения, установлению степени применимости формационного подхода, анализу возможности сочетания буржуазных социологических теорий и марксистской методологии. Однако неопределенность явления культуры, ее специфики не позволили определить, каков же механизм ее воздействия на общественный процесс.

Сам факт, что в проходивших в рамках семинаров дискуссиях часто присутствовали отсылки к концепциям исторического материализма и к конкретным работам классиков марксизма, отражает возросший интерес к марксизму как в Танзании, так и в странах «третьего мира» в целом. В то же время для характеристики отношения к марксизму в Танзании показательна высказанная настороженность по поводу «импорта зарубежных концепций и теорий» в связи с одним из докладов. Примечательна и реакция участников семинара, которые «выразили необходимость в различении марксизма как метода научного исследования и как политической программы» [11, № 1, с. 7]. Сам анализ этих дискуссий не входит в наши задачи, хотя он был бы интересен, так как в них достаточно четко отражаются тенденции развития государственной идеологии в Танзании, соответствующие формационной неопределенности реально существующей в стране социально-экономической структуры.

В целом можно отметить, что как только вопрос ставился по существу, то этим существом закономерно становились процессы материального производства или динамика социально-экономической сферы общественной жизни. Культура как отдельное явление ускользала. Это было следствием достаточно неопределенного разграничения собственно культурного развития и общественных процессов в целом. Такая неопределенность широко представлена в «западной антропологии» (см., например, [12, с. 117—145]), но ее возможно усматривать, например, и в широко распространенном в отечественной этнографической литературе понимании культуры как специфического способа человеческой деятельности, включающей и ее результат.

В определении Э. М. Маркаряна под культурой подразумевается один из аспектов общественного движения, чем оно существенно отличается от предлагавшихся ранее определений,

хотя понимание культуры как некоторой целостности, отличной от природы, присутствует как в зарубежной, так и в отечественной культурологии. Так, например: «Культура есть исторический процесс развития человеческих сил и отношений самого человека как общественного субъекта деятельности, получающий свое внешнее выражение во всем богатстве и многообразии создаваемой людьми предметной действительности, во всей совокупности результатов человеческого труда и мысли» [6, с. 26].

Представляется важным отметить, что отождествление «культурного» и «общественного», в основе чего лежит неправомерное прямое противопоставление культуры природе минуя категорию общественного, для анализа формационно не оформившихся структур в принципе малоперспективно. При указанном понимании специфика явления культуры (в противоположность общественному в целом) либо игнорируется, либо обозначает любой общественный процесс или их совокупность. Вероятно, культуру продуктивнее понимать, как совершенно справедливо отмечает Э. С. Маркарян, как явление в рамках общественного, как особый срез общественных процессов. Такой срез возможно определить как систему форм, в которых реально осуществляются общественные процессы, реализуется бытие конкретных обществ. Эта система включает и формы конкретной реализации общественного и индивидуального сознания, составляющие важный компонент существования общества как целостности. В данном понимании культура охватывает все реально протекающие общественные явления, но только со стороны формы их реализации, обусловленной конкретно-историческими условиями. Необходимость в привлечении категории «культура» возникает именно тогда, когда ставится вопрос о формах, в которых протекает, отражается, фиксируется человеческая деятельность. Рассмотрим с этих позиций некоторые материалы исследований в рамках проекта «Джипемой».

В соответствии с идеологией уджамаа и политикой опоры на собственные силы большое значение в Танзании придано реорганизации традиционных способов сельскохозяйственной деятельности. В частности, это выражалось в проводившихся в 70-х годах широких кампаниях по организации укрупненных деревень-уджамаа. Таким деревням выделялись земельные участки, предоставлялись финансовые субсидии правительства и оказывалась другая помощь. Само по себе переселение не вызывало у населения особенной реакции. Традиционные жилища большей части аграрного населения Танзании не представляют существенной материальной ценности. Земли для обработки здесь всегда, за исключением отдельных районов, было достаточно, а частнособственнические отношения по поводу владения участками в колониальный период не смогли существенно развиваться. Однако, в силу того что с агротехнической стороны процесс сельскохозяйственного производства (подсечно-

огневое мотыжное земледелие) остался во многих таких деревнях традиционным, обрабатываемые участки со временем постепенно расплзались, и вскоре земледельцам приходилось значительное время жить «на выселках». Так, один из участников «Джипемойо» отмечает: «Нужные для интервью люди до сих пор в полях; предположительно они вернутся домой в начале следующего месяца. В полях они проводят день и ночь, охраняя их от обезьян и кабанов» [11, № 1, с. 88]. Известно, что значительное число созданных поселений-уджамаа довольно скоро распалось.

Представляется, что распад таких деревень был следствием противоречия традиционного способа производства и новой, укрупненной и рассчитанной на стабильность в пространстве формы его осуществления. При организации деревень-уджамаа не происходил переход к новым типам производственных отношений и новым формам организации труда. В связи с отсутствием обобществления средств производства и качественной дифференциации трудовой деятельности, специализации деревня растет количественно, форма поселения меняется не в силу реальной экономической необходимости для конкретных производителей, а в целях будущих качественных изменений в экономической сфере страны в целом. В такой ситуации преимущественным (хотя и временным) фактором стабильности фактически становятся политико-идеологическая работа, материальная и организационная помощь правительства, развитие индустриального государственного производства.

Большую настороженность населения вызывала, судя по материалам «Джипемойо», кооперация в сфере малой сельской индустрии. Среди препятствий, тормозящих развитие кооперации труда в этой сфере, один из авторов — Б. К. С. Кьензе — отмечает такие, как превалирование традиционной социальной структуры в сельской местности и недостаточная развитость рынка сбыта продуктов сельских ремесленников [11, № 4, с. 78]. Представляется, что эти два пункта являются весьма существенными и взаимосвязанными. Известно, что местные ремесла в отличие от земледелия не имеют традиции кооперативного труда, связаны со специфическими запретами и мировоззренческими предрассудками. В исторической перспективе тенденции к обобществлению труда, объединению производителей реализуются через обратный процесс: индивидуализацию права собственности на орудия и средства производства, т. е. через развитие частной собственности. Причем этот процесс идет при все возрастающей конкуренции мелких производителей с уплотнением рынка сбыта их товаров. В данном случае противоречие традиции и инновации значительно более существенно, нежели в случае с земледельческой деятельностью, и естественно, что программа кооперирования в этой сфере осуществляется значительно медленнее.

В публикациях «Джипемойо» много материалов, относящихся

ся к скотоводам-барагуйю, являющихся вкраплением в преимущественно сельскохозяйственное население провинции Западное Багамойо. В отношении скотоводов также существует программа интенсификации производства. Так как кооперация здесь традиционна, а частная собственность у барагуйю отсутствовала, то речь идет прежде всего о повышении продуктивности скота, в частности за счет улучшения пород, и о превращении животноводства в товарное производство. В условиях Танзании скотоводы сохраняли традиционную установку на увеличение стада, а не на получение максимальной выгоды от его реализации. В 1974 г. правительством республики было принято решение о сокращении поголовья стада на 10%, однако в 1981 г. количество животных все же увеличилось на 2,3%.

Товарно-денежные отношения, конечно, давно знакомы скотоводам, но сфера их функционирования весьма ограничена в скотоводческих общностях. Доходы от продажи животных и мяса в значительной степени используются для увеличения поголовья. У барагуйю в связи с эпидемией 1978 г. стадо уменьшилось на 19%. В этой ситуации барагуйю стали покупать скот в других районах, откармливать на месте, сдавать государству, а на вырученные деньги пополнять стадо ценными по их понятиям животными. Занимается этим возрастной класс юношей-воинов, на которых традиционно лежит обязанность охранять стада и совершать рейды в целях их пополнения [11, № 2, с. 71]. Заметим, что в данном случае новый вид деятельности (откорм на продажу) осуществлялся в рамках социальных традиций, формально не вступая с ними в противоречие.

Интересно, что барагуйю в результате торговых операций со скотом обладают значительными денежными средствами, часть которых они реализуют в контактах с земледельцами, покупая пиво, утварь, продукты, и, с точки зрения последних, являются богачами. Обособление скотоводов и земледельцев, подчас возникающее при создании компактных деревень нового типа, не выгодно ни тем, ни другим [11, № 1, с. 66], так как разрушает систему обмена. Однако, по сути дела, барагуйю мог быть богачом в том случае, если бы он вдруг стал земледельцем или продал стадо, оказавшееся его частной собственностью, отказался от связей по возрастному классу, родне и пр. На самом деле скотовод-барагуйю остается в системе отношений барагуйю, а земледelec квере — в другой системе отношений с другими ценностями. В целом же по жизненному уровню они имеют незначительные различия и, конечно, не выступают по отношению друг к другу как богач и бедняк, эксплуатируемый и эксплуататор.

Как отмечается в материалах исследования, скотоводы охотно идут на совершенствование производства, активно содействуя тем программам, которые улучшают их экосистему, облегчают труд. В связи с этим стратегия модернизации обществ скотоводов предпочтительнее нацелить прежде всего на изме-

нения в производственной деятельности, что, как отмечают исследователи, будет стимулировать прогрессивные сдвиги и в других сферах [11, № 4, с. 104].

Мы отметили три примера усилий, направленных на развитие социально-экономических условий в аграрных районах Танзании — в земледелии, в животноводстве и в сфере мелкой сельской индустрии — на основе опубликованных материалов танзанийско-финской программы исследований «Джипемойо». Во всех трех случаях очевидно противоречие в тенденциях и закономерностях развития содержательного и формального среза общественных процессов. Можно видеть, что общественное развитие получает преимущество в том случае, когда традиционные формы не являются (с точки зрения местного населения) основным объектом воздействия. Наиболее существенно развитие как раз содержательного момента, неизбежно ведущее к изменению, созданию новых форм, приемлемых для содержательной инновации, причем и старые формы могут найти новое содержание в новом контексте. Изменение же собственно формальной стороны, прямое введение культурной инновации (при старом содержании или с соответствующим новым содержанием) приводят к тому, что либо традиционное содержание облачается в новую форму, либо идет отторжение и формы и содержания. В этом случае, естественно, требуются дополнительные материальные и организационные затраты, призванные погасить объективные тенденции в противоречивом взаимодействии процессов культурного и социально-экономического развития. Это противоречие нами было обозначено как противоречие процессов эволюционного (общественного) и инволюционного (культурного) развития (см. [2]).

Л и т е р а т у р а

1. Гиренко Н. М. Тенденции этнического развития Уньямвези в X в.— Этническая история Африки. М., 1977.
2. Гиренко Н. М. Взаимодействие культуры и общества в свете ленинской диалектики.— Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987.
3. Маркарян Э. С. Очерки истории культуры. Ер., 1969.
4. Маркарян Э. С. К проблеме осмысления локального разнообразия культуры.— Советская этнография. 1980, № 3.
5. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции.— Советская этнография. 1981, № 2.
6. Марксистско-ленинская теория культуры. М., 1984.
7. Ольдерогге Д. А. Колониальное общество — этап в этническом развитии стран Тропической Африки. Л., 1973.
8. Яблочков Л. Д. Проблемы деколонизации африканского общества.— Социальные сдвиги в независимых странах Африки. М., 1977.
9. Azimio la Arusha na siasa ya TANU juu ya ujamaa na kujitegemea. Idara ya Habari. Dar es Salaam, 1967.
10. Nyerere J. K. Ujamaa. Dar es Salaam, 1968.
11. Jipemoyo. Development and Cultural Research. Vol. I. Helsinki, 1977. Jipemoyo. Development and Cultural Research. Vol. 2. Helsinki, 1980. Jipemoyo. Development and Cultural Research. Vol. 4. Helsinki, 1981.
12. Oldaker A. A. Tribal Customary Land Tenure in Tanganyika.— Tanganyika Notes and Records. 1957, № 47.
13. Uhuru. Dar es Salaam. 19.12.1981.